

Субботним днем, едва на заводах закончилась смена, рабочий поселок мгновенно опустел. Почти все, кому выпал выходной, уехали развлекаться в город, и на улицах остались лишь редкие, случайные прохожие.

В закусочной тоже было затишье. Линь Юй заранее пришел к школьным воротам, встретил младшего брата, и, наспех перекусив купленными по пути цзяньбин-гоцзы, они сели на пригородный автобус до города.

Они направлялись в кардиологическое отделение городской больницы, где Сяочуаньэр регулярно проходил осмотр.

В прошлой жизни Линь Юй в последний раз привез брата в больницу зимой, когда ему самому исполнилось двадцать лет.

Тогда доктор Чжоу передал ему весточку: из провинциального центра должен приехать кардиохирург, специалист по врожденным порокам сердца, который успешно оперировал подобные случаи.

Линь Юй, вне себя от радости, сразу же собрал вещи, купил билеты на жесткие места в поезд и повез брата в столицу провинции.

Поезд немилосердно трясло на стыках путей. Линь Юй не садился сам, устроив маленького Сяочуаньэра полулежа на сиденье. Мальчик, жалея брата, сжался в комочек в углу и изо всех сил тянул его за рукав к себе. Чтобы успокоить ребенка, Линь Юй опустилсся прямо на пол и примостился на краю сиденья, оказавшись лицом к лицу с братом.

Дорога тянулась бесконечно. Глядя на бледное, сероватое личико брата, Линь Юй изнывал от тревоги. Он до смерти боялся услышать очередной безнадежный отказ, но еще больше страшился неподъемной стоимости операции, на которую не хватит всех его скромных сбережений.

К счастью, перед самым отъездом вторая тетя обнадежила его: если операция возможна, они с дядей затянут пояса потуже и соберут сколько смогут. Да и соседи, с которыми они ладили, обещали одолжить хоть какую-то сумму.

В провинциальной больнице светило медицины, едва взглянув на рентгеновские снимки, принялся отчитывать Линь Юя за то, что тот не привез брата раньше. Из-за упущенного времени сердце Сяочуаньэра уже начало компенсаторно увеличиваться. У Линь Юя защемило в груди, но он не стал оправдываться.

Малыш не понимал медицинских терминов, но почувствовал, что строгий доктор сердится на его брата. Он вцепился в рукав врача и преданно, по-детски пролепетал:

— Дядя доктор, гэгэ очень устал. Он хороший, не ругайте его, ладно?

Слово «ладно» он произнес с той самой мягкой, наставительной интонацией, с какой Линь Юй обычно обращался к нему самому. У Линь Юя перехватило дыхание, а глаза защипало от слез.

Врач посмотрел на братьев: старший сам едва вышел из подросткового возраста, взрослых рядом нет... Он лишь сокрушенно покачал головой и вздохнул. Болезнь Сяочуаньэра диагностировали слишком поздно, а нищета не оставила шансов на своевременное лечение — вот и тянули до последнего. Линь Юй прекрасно знал, что лучшим возрастом для такой операции были первые пять лет жизни. Но два года назад, когда ему самому исполнилось семнадцать, он не смог бы собрать нужную сумму, даже если бы продал себя по частям.

К счастью, надежда еще оставалась. Профессор обнадежил: состояние мальчика не критическое, и если провести операцию в ближайшее время, это не скажется фатально на его развитии. Все, что ребенок упустил за эти годы, со временем наверстается.

Правда, сейчас вес Сяочуаньэра был гораздо ниже нормы, а истощение повышало операционные риски. Врач посоветовал не спешить эти пару месяцев: Линь Юю следовало отвезти брата домой, хорошенько откормить его, укрепить силы и лишь тогда возвращаться в клинику.

Линь Юй робко спросил о стоимости операции. Названная сумма оказалась огромной, но вполне достижимой, если собрать все силы. У него будто гора с плеч свалилась. Горячо поблагодарив доктора, он записался на повторный прием для предоперационного обследования и с бьющимся от радости сердцем повез брата домой.

Всю обратную дорогу на душе у него было удивительно легко. Он крепко прижимал к себе уставшего, бледного Сяочуаньэра и впервые за долгое время чувствовал, что у них появилось будущее.

Но на пороге дома его ждал сокрушительный удар.

С закусочной случилась беда: мало того что все его вложения пошли прахом, так на него еще и повесили огромные долги.

Буквально за ночь до его возвращения все клиенты, ужинавшие в «Закусочной Хуэйминь», загремели в больницу с тяжелейшим пищевым отравлением. Массовое ЧП вызвало скандал на городском уровне, дело взяли на особый контроль и направили экстренную комиссию.

Проверяющие с порога выяснили, что лицензия «Закусочной Хуэйминь» давно просрочена, а сам временный павильон признали незаконной постройкой, подлежащей сносу. Повара Сунь Фулу и официантку Хоу Сяохун забрали в полицию для допроса.

Линь Юй не успел даже перешагнуть порог дома, как за ним пришли из участка. Плачущего от испуга Сяочуаньэра забрала прибежавшая на шум вторая тетя.

Ему тогда было всего двадцать лет, жизненного опыта никакого — по дороге в отделение его колотила крупная дрожь, а перед следователем он не мог выдать из себя ни слова. Да и оправдываться было бесполезно: из-за собственной халатности он попал под статью о незаконном предпринимательстве. В те недели все его мысли занимала болезнь брата, и он попросту забыл о продлении разрешений.

Когда Линь Юй наконец вышел из изолятора, от его закуской не осталось и следа — павильон демонтировали краном и вывезли, оставив на пустыре лишь кучи строительного мусора.

Баланс на его сберкнижке обнулился: все до единого юаня ушли на штрафы, оплату больничных счетов пострадавших и компенсации. Недостающую часть суммы помогли собрать семья второй тети и соседи, пожалевшие сирот. Линь Юй скрупулезно записал каждый долг в блокнот. Хотя люди и твердили, что возвращать ничего не нужно, он твердо решил выплатить все до последнего фэня.

Тетя сжимала его ладони, ее глаза покраснели от слез:

— Как же теперь операция Сяочуаньэра?.. Если надо, я наш дом продам...

Линь Юй лишь тихо вздохнул и покачал головой:

— Тетя, наши дома ничего не стоят, даже если оба продадим — не хватит. К тому же стройка у завода заглохла, кто их сейчас купит? У дяди здоровье слабое, у брата Цзяньцзюня дела на песчаном карьере идут со скрипом. Вам самим едва хватает. Спасибо вам за доброту, но с деньгами я что-нибудь придумаю.

— А как же твоя старшая тетя?.. — нерешительно протянула она.

Линь Юй горько усмехнулся:

— Она теперь шарахается от меня, боится, что просить начну. Да и после того, какой скандал они тут устроили... Нет, забудьте.

Даже тогда Линь Юй не впал в отчаяние. В конце концов, он с четырнадцати лет таскал Сяочуаньэра на закорках, перебиваясь случайными заработками. Раз уж они выкарабкались из такой беспросветной нищеты, то и теперь, оставшись без гроша, он не верил, что мир рухнул. Выход есть всегда. Если он смог заработать эти деньги один раз, значит, сможет и второй.

Душу разрывало лишь от одного: операцию брата придется отложить. Каждый потерянный

день бил по слабому детскому организму, и Линь Юй до безумия боялся, что промедление покалечит Сяочуаньэра на всю оставшуюся жизнь.

К несчастью, реальность оказалась гораздо суровее его надежд.

Вдохновленный заверениями провинциального профессора, он переоценил свои силы. Днем он вкалывал грузчиком в порту, по ночам разносил напитки в кабаре, а в редкие свободные часы таскал на пляж ведра с колотым льдом, торгуя ломтиками арбузов, дынь и дешевыми безделушками. Он валился с ног и засыпал мгновенно, стоило закрыть глаза. Из дома ушло все мало-мальски ценное — он заложил даже золотую подвеску-обезьянку, которую лаолао подарила ему в детстве.

Ему казалось, что если трудиться на износ, то рано или поздно нужная сумма наберется. Он не знал только одного: времени у него почти не осталось.

Не прошло и полугода после закрытия закусочной. Как-то утром Сяочуаньэр, проснувшись, спрыгнул с кана. Едва его босые ступни коснулись пола, Линь Юй хотел было прикрикнуть на него, чтобы не прыгал так резво, но раздался глухой стук. Мальчик упал на колени, его тело как-то странно, неестественно задеревенело.

Сидевший на краю кана Линь Юй почувствовал, как внутри все похолодело. Он рванулся вперед, собираясь подхватить брата, но тот уже повалился ничком на пол. Не смея шевелить ребенка, Линь Юй дрожащими пальцами коснулся его ноздрей... Сяочуаньэр не дышал.

В то мгновение мир Линь Юя разлетелся вдребезги.

Если бы закусочная уцелела, если бы деньги были целы, Сяочуаньэра давно бы прооперировали, и сейчас он бы просто шел на поправку.

Эта трагедия навсегда выжгла глубокий шрам в его душе, а сцена падения брата превратилась в кошмар, который преследовал его из ночи в ночь. Даже сейчас Линь Юй порой просыпался в холодном поту, с бешено колотящимся сердцем, заново переживая этот ужас во сне.

Пройдя через ад прошлой жизни, Линь Юй теперь точно знал динамику болезни Сяочуаньэра. По крайней мере, на данном этапе состояние мальчика оставалось стабильным и непосредственной угрозы не несло. И все же рисковать он не имел права. Вдруг его перерождение, подобно взмаху крыла бабочки, уже запустило цепную реакцию изменений в этом мире? К здоровью брата нужно относиться со всей серьезностью, не пропуская ни одного обследования.

Сегодняшний визит был плановым. Доктор Чжоу из городской больницы наблюдал Сяочуаньэра уже несколько лет и прекрасно знал особенности его организма. Он быстро выписал направления на анализы, и Линь Юй повел брата по кабинетам.

В процедурном кабинете Сяочуаньэр зажмурил глаза и послушно протянул тоненькую ручку в окошко. Медсестра не успела даже привычно задобрить маленького пациента, как он сам заговорил тонким голоском:

— Сестричка, не бойся. Вот уколешь меня, и я куплю тебе конфетку.

Девушка не выдержала и прыснула со смеху. Линь Юй с улыбкой взъерошил вихры на затылке брата:

— И в кого ты такой подлиза!

Результаты всех анализов были готовы только к вечеру, перед самым закрытием больницы. Доктор Чжоу внимательно изучил каждый бланк и удовлетворенно кивнул:

— Все в порядке, никаких ухудшений. Следите за питанием, давайте ему легкую, питательную еду и не разрешайте бегать до изнеможения. Через три месяца жду вас на повторный осмотр.

Как Линь Юй и предполагал, показатели были в норме. С души словно камень свалился. Почувствовав облегчение, он решил не спешить домой и повез Сяочуаньэра прогуляться по шумному городскому ночному рынку. Там же они и поужинали: взяли по миске горячей наваристой ухи и разделили пополам ароматную кунжутную лепешку-шаобин.

Рыбу перед варкой слегка обжарили в масле, отчего бульон приобрел аппетитный молочно-белый оттенок. После сытного ужина Линь Юй купил брату несколько забавных копеечных игрушек, и они поехали обратно на пригородном автобусе.

Когда они добрались до закуской, посетителей уже не было. Дядя Сунь и Хоу Сяохун как раз ужинали. Заметив вернувшихся братьев, они поинтересовались, сыты ли те. Линь Юй кивнул и отправил Сяочуаньэра делать уроки за прилавком, а сам пошел прибираться на кухне.

Едва переступив порог, он заметил на разделочном столе две тарелки с нетронутой едой. Удивившись, он вернулся в зал:

— Дядя Сунь, откуда эти блюда? Вы приготовили и не стали есть?

Дядя Сунь с набитым ртом не успел ответить, как Сяохун, сжимая в одной руке пампушку-маньтоу, а в другой палочки для еды, взволнованно вскочила с места:

— Маленький босс, вы даже не представляете! Днем к нам заходил такой странный господин!

Линь Юй мельком глянул на улицу через стекло и, убедившись, что прохожих нет, с улыбкой приготовился слушать сплетни:

— И что же в нем странного?

Глаза Сяохун так и сияли:

— Красавец невозможный! Статный, высокий — сразу видно, непростой человек. Но вот поведение... — Она приподнялась на цыпочки, показывая рукой рост незнакомца. — Зашел, долго изучал меню, заказал яичный крем с моллюсками и обжаренную бамию. А когда принесли, сидел и просто гипнотизировал тарелки взглядом. Ни кусочка не съел! Пил только свою минералку из бутылки и постоянно косился на дверь, будто высматривал кого-то. Так и просидел до самого ужина, а потом ушел.

— Заказ-то он оплатил? — деловито уточнил Линь Юй.

— Ну еще бы! — закивала Сяохун. — Разве я бы его так отпустила?

Линь Юй довольно хмыкнул:

— Ну и отлично. Разогрей эти блюда, устроим вам праздничный ужин.

Она радостно подпрыгнула и побежала возиться у плиты.

Линь Юй присел за стол. Дядя Сунь недовольно проворчал:

— Сколько лет стою у плиты, еще никто не воротил нос от моей стряпни.

Линь Юй достал из буфета бутылку байцзю и две стопки. Наполнив их до краев, он с мягкой улыбкой примирительно произнес:

— О чем речь, дядя Сунь! Вы же главная опора нашей закусочной, живая реклама. Все наши гости только ради вашей стряпни сюда и ходят.

Лесть умаслила старика. Дядя Сунь заметно повеселел, чокнулся с Линь Юем и, сделав глоток, вспомнил деталь:

— Ах да, он ведь спрашивал про тебя. Сяохун ответила, что ты уехал по делам, и он больше не расспрашивал.

— Обо мне? — Линь Юй озадаченно нахмурился.

Он попытался перебрать в памяти знакомых, но никто под описание не подходил. Странно, конечно, но забивать этим голову он не стал. Через его заведение ежедневно проходили

десятки людей: в основном рабочие с соседних заводов, но бывали и случайные проезжие. Мало ли кто мог запомнить приветливого хозяина и спросить о нем мимоходом.

Поскольку посетителей больше не ожидалось, Линь Юй отпустил помощников пораньше. Он дождался, пока Сяочуаньэр допишет домашнее задание, после чего они заперли двери и отправились домой.

Перед сном они сыграли партию в шашки, а когда мальчик начал зевать, Линь Юй велел ему умываться и ложиться спать.

Когда брат уснул, Линь Юй устроился рядом, закинув руки за голову, и уставился в потолок. Сон не шел.

Он мысленно подсчитывал финансы: собранных денег едва хватало на половину стоимости операции. Хотя вторая тетя и соседи обещали помочь, основную сумму он должен был заработать сам. В прошлой жизни к моменту поездки в столицу провинции он успел накопить почти все необходимое. Но теперь на душе скребли кошки: вдруг судьба отвела ему еще меньше времени? Вдруг трагедия случится раньше? Рисковать жизнью брата он не собирался.

Нужно было срочно искать источник быстрого и крупного дохода, иначе он не обретет покой. Закусочную бросать нельзя, но параллельно придется вплотную заняться оформлением аренды той горы.

Обещание процента от выручки сотворило чудо — дядя Сунь и Сяохун стали работать усерднее, и чистая прибыль заметно выросла. Однако конкуренты не дремали: вокруг то и дело открывались новые забегаловки, грозя перетянуть клиентов. Линь Юю требовалось не просто удержать планку, а выжать из своего дела максимум.

Тем таинственным гостем, заглянувшим в закусочную, действительно был Хань Дуншэн.

Всю первую половину субботы он провел на заводе минеральной воды. Запуск тестовой линии висел на волоске, и Хань Дуншэну приходилось лично утверждать каждую мелочь.

К полудню, за исключением дежурных смен, завод опустел. Закончив с делами, Хань Дуншэн вышел из кабинета и велел новому водителю отвезти его в промышленную зону. Дорога протяженностью в двадцать километров оказалась свободной, и за время пути он как раз успел сделать несколько рабочих звонков.

Выйдя из машины, он отпустил водителя на выходные, осмотрелся и уверенным шагом направился к цели своего визита. Раз уж он твердо решил проявить инициативу, то тянуть время не имело смысла.

Отсутствие Линь Юя на месте стало для него легкой неожиданностью.

Он терпеливо просидел в заведении всю вторую половину дня, так и не дождавшись хозяина, но досады не почувствовал. Раз уж выдался свободный день, стоило поближе присмотреться к быту и делу своего избранника. Хань Дуншэн внимательно изучил меню и выбрал два блюда на свой вкус. Из-за обострившейся брезгливости он так и не притронулся к еде, но по аппетитному виду отметил, что повар здесь знает свое дело.

И все же условия в «Закусочной Хуэйминь» были более чем скромными. Хань Дуншэну доводилось видеть закусочные во временных бытовках только на строительных площадках. Внутреннее убранство тоже не отличалось изысками: стены наспех обтянули темно-зеленым бархатом, а кухня была наглухо скрыта перегородкой. В зале умещались всего четыре круглых стола и четыре квадратных поменьше. Даже при полной посадке заведение могло принять от силы человек пятьдесят-шестьдесят. Каким бы плотным ни был поток гостей, ежедневный доход оставался весьма скромным.

Единственная официантка — совсем юная девчушка — казалась простодушной и пялилась на него без всякого стеснения. Повар пару раз выглядывал из кухни, чтобы оценить необычного гостя; одет он был опрятно, но вид имел весьма сердитый. Хань Дуншэн и не подозревал, что девочка просто рассматривала его с восторгом, а мастер Сунь смертельно обиделся на то, что к его кулинарным шедеврам даже не прикоснулись.

И все же в зале царила идеальная чистота, так что сидеть здесь было вполне приятно. Из-за выходного на заводах посетителей почти не было, но те немногие, кто заглядывал, явно относились к числу завсегдатаев и уходили сытыми и довольными.

Расплатившись и выйдя на улицу, Хань Дуншэн поймал себя на мысли, что Линь Юй для своего возраста на редкость хваток. Пусть это всего лишь крошечная закусочная, но по деталям чувствовалось, сколько сил и души парень вложил в свое дело.

Более того, даже в отсутствие хозяина персонал работал не покладая рук. Стоило залу опустеть, как повар и официантка тут же принимались натирать столы и прибираться. Добиться такой самоотдачи от подчиненных — признак недюжинного таланта руководителя. Маленькое кафе или огромная корпорация — законы управления везде одинаковы.

Когда сам Хань Дуншэн возглавил пищевую компанию «Тэньюэ», он был ненамного старше Линь Юя и набил немало шишек. Он прекрасно понимал, какой это каторжный труд.

И пусть они еще ни разу толком не поговорили, рассказы старины Яна, редкие мимолетные встречи и визит в эту закусочную помогли ему составить отчетливый портрет юноши. Линь Юй определенно был смелым парнем — об этом красноречиво говорили его настойчивые попытки сблизиться.

А еще — невероятно самостоятельным. В девятнадцать лет в одиночку растить младшего брата и успешно вести бизнес дано не каждому. Хань Дуншэну нравился такой характер.

По работе ему приходилось по полгода проводить в разъездах, редко задерживаясь на одном месте. Тот, кто привык полагаться только на себя, без труда перенесет его вечные командировки. Такой человек не станет изнывать от скуки или одиночества, у него всегда будет свое дело и своя жизнь.

"А когда мы будем в разлуке, сможем созваниваться по вечерам. Делиться успехами за день, справляться о здоровье... шептаться о чем-то личном, семейном. Это ведь очень славно"

Хань Дуншэн отошел уже далеко от закусочной, когда до него наконец дошел смысл собственных блуждающих мыслей. На мгновение он застыл как вкопанный, а затем смущенно покачал головой и усмехнулся.

Еще ничего даже толком не началось, а он уже распланировал их совместный быт до мелочей. И все же... нарисованная воображением картина семейной жизни показалась ему на удивление теплой.

<http://bllate.org/book/20105/1993551>